

Радугин В.М.

Валерий Радугин

Государева грамота

«Автор»

2026

Радугин В.

Государева грамота / В. Радугин — «Автор», 2026

Сын тобольского приказчика Никита Зотов, в его руки попадают секретное донесение об воровстве богатого купца Гордеева. Чтобы спасти отца из заточения и донести правду до государя, Никита вместе со стрелецким сыном Григорием Черновым и татарин Касимом отправляется в смертельно опасный путь из Тобольска в Москву. Героям предстоит преодолеть суровый Каменный пояс, пройти сквозь засады вогулов, уйти от ищеек приказчика Саввы, выстоять перед предательством подкупленных дьяков и пробиться на приём к царю.

© Радугин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1. Тобольский узел Глава 1. Времена Тишайшего	6
Глава 2. Тишайший и Сибирь	7
Глава 3. Воля приказчика	8
Глава 4. Первая кровь	9
Глава 5. Данила и Григорий Черновы	10
Глава 6. Дома у Черновых	11
Глава 7. Прощание	12
Глава 8. Шепот тайги	13
Глава 9. Тюменская мышеловка	14
Глава 10. Разговор у костра в камышах	15
Глава 11. Завал	17
Глава 12. Кровавые метки	18
Глава 13. Огонь во тьме	19
Глава 14. Битва у Черного ручья	20
Глава 15. Допрос у Черного ручья	21
Глава 16. Тень предателя	22
Глава 17. Рассказ Касима	23
Глава 18. В ночи	24
Глава 19. Между двух огней	25
Глава 20. Погоня на перевале	26
Глава 21. Хозяин Чусовой	27
Глава 22. Скит в расщелине	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Государева грамота

Глава

«Государева грамота»

Никита Матвеевич Зотова – Сын приказчика
Матвей Степанович Зотов - Приказчик

Данила Иванович Чернов - стрелец
Григорий Чернов - сын Данилы
Тимофей Степанович Холмогоров

Сотник Лукьян Иванченко
Голова Степан Петрович Черепанов

Часть 1. Тобольский узел Глава 1. Времена Тишайшего

Царствование Алексея Михайловича (1645–1676), прозванного «Тишайшим», стало переломным моментом в истории России. Это время заложило фундамент для будущих реформ Петра I, сочетая в себе глубокую приверженность традициям и неизбежную модернизацию. Эпоха Алексея Михайловича — это время превращения средневековой Руси в мощное Российское государство. Царь сумел преодолеть последствия Смуты, укрепить власть и подготовить почву для своего сына, Петра Великого.

При Алексее Михайловиче произошло окончательное укрепление самодержавия и крепостного права. В 1649 году было принято Соборное уложение. Главный свод законов, который официально закрепил бессрочный сыск беглых крестьян. Стала развиваться система приказов. Именно тогда был создан Приказ тайных дел, который подчинялся лично царю и контролировал всех остальных чиновников.

Одним из самых драматичных событий стала реформа патриарха Никона. Попытка привести русские церковные обряды в соответствие с греческими привела к глубокому расколу в обществе. Появились старообрядцы, которые подвергались жестоким преследованиям.

Несмотря на прозвище царя, его правление было крайне беспокойным. Городские восстания: Соляной бунт (1648) и Медный бунт (1662), вызванные налоговым гнётом и неудачными денежными реформами. Восстание Степана Разина с 1670 по 1671 год. Самая масштабная крестьянская война того времени, охватившая Поволжье.

Россия вела активные войны и значительно расширила свои территории. Воссоединение с Левобережной Украиной: После восстания Богдана Хмельницкого и Переяславской рады (1654) эти земли вошли в состав Русского царства, что привело к затяжной войне с Речью Посполитой.

Началось освоение Сибири. Русские первопроходцы Дежнёв и Хабаров дошли до берегов Тихого океана и реки Амур.

К концу царствования Алексея Михайловича Россия фактически очертила свои восточные границы, которые с небольшими изменениями сохраняются до сих пор. Сибирь перестала быть просто колонией и начала интегрироваться в единое правовое и экономическое пространство страны.

Глава 2. Тишайший и Сибирь

В эпоху правления Алексея Михайловича Сибирь окончательно превратилась из далекой «неведомой земли» в колоссальный ресурсный и стратегический актив Русского царства. Это был период стремительного продвижения на восток — к Тихому океану и границам Китая.

При Алексее Михайловиче русские землепроходцы совершили географические открытия мирового значения. Выход к Охотскому морю: В 1640-х годах отряды Ивана Москвитина достигли берегов Тихого океана; Экспедиция Семёна Дежнёва (1648): Проход через пролив, отделяющий Азию от Америки; Освоение Приамурья: Походы Ерофея Хабарова с 1649 по 1653 год привели к столкновению интересов России и маньчжурской династии Цин в Китае; Основание ключевых острогов: Были заложены Иркутск (1661), Селенгинск (1665) и другие крепости, ставшие опорными пунктами в Забайкалье.

Сибирь в XVII веке была главным источником дохода для государства. Основным налогом был ясак, который коренное население выплачивало пушниной: соболем, лисицей, белкой. Меха называли «мягкой рухлядью», и их экспорт в Европу и Азию приносил казне огромные доходы. Государство активно переселяло крестьян («переведенцы»), чтобы обеспечить гарнизоны местным хлебом и не везти провиант из европейской части России. Поиск ископаемых: Начинаются первые организованные поиски «узорчатых камней» (самоцветов) и медных руд, что заложило фундамент для будущей промышленности Урала и Сибири.

Управление регионом было жестко централизовано через Сибирский приказ в Москве. В каждом крупном городе: Тобольск, Томск, Якутск сидел воевода, который отвечал за сбор налога, оборону и суд. Основную силу составляли казаки. Они были одновременно исследователями, дипломатами, сборщиками налогов и солдатами. Город официально стал духовным и административным центром. В 1620 году здесь была учреждена епархия, а при Алексее Михайловиче началось активное каменное Сюда бежали от крепостного права, налогов и реформ Никона. Именно при Алексее Михайловиче Сибирь начала массово использоваться как место ссылки для политических и религиозных противников. Вхождение сибирских народов в состав России сопровождалось как мирным торговым обменом, так и вооруженными стычками при сборе ясака.

Глава 3. Воля приказчика

Холод в ту ночь вгрызался под рубаху, будто злой пес. Я, Никита, сын приказчика Матвея Зотова, стоял у края шурфа, вглядываясь в серую мглу Тобольской низины. За спиной тяжело бухали молоты, кроша породу. Рудник не засыпал даже в сумерках.

Отец возник из тени внезапно. Он тяжело дышал, и я увидел, как дрожат его пальцы, когда он совал мне за пазуху тяжелый кожаный сверток.

— Беги, Никитка. Прямо сейчас, оврагами к Иртышу. В пакете вся черная душа купца Гордеева.

Отец перевел дыхание и продолжил:

— Он казенное золото в обход казны пускает, воеводу подкупает, а нас, холопов, в землю живьем закапывает. Ежели до Москвы донесешь — голова купцу с плеч. А не донесешь...

Отец осекся и сжал мое плечо.

— Сгинем все.

У меня перехватило дыхание.

— А ты, батя?

— Я их отвлеку. Беги к Тобольскому кремлю, ищи в стрелецкой слободе Данилу Чернова. Он мой старый друг, с ним не пропадешь.

В этот миг наверху, у караульни, взвился факел. Послышался зычный крик:

— Эй, кто там?! Стреляй!».

Грянул выстрел из пищали, пуля свистнула над головой, выбив щепу из забора. Отец, толкнул меня в темноту.

— Беги!

Я покатился вниз по склону, обдирая руки о мерзлую землю, а в голове стучала только одна мысль:

— Не потерять пакет. Пакет, который стоил больше, чем вся моя жизнь.

Глава 4. Первая кровь

Тобольск дышал мне в спину холодом и лаем псов. Бумаги, сунутые отцом за пазуху, казались тяжелее чем были. Я бежал, не разбирая дороги, пока не выскочил к постоялому двору «Три сосны», что стоял у самого выезда из города. Здесь, в тени телег, меня должен был ждать человек, знающий тайные тропы.

У ворот двора толпились нищие. Обычное дело для Тобольска. Замотанные в грязные лохмотья, они грелись у костра, понуро опустив головы. Я хотел было прошмыгнуть мимо, как вдруг сильная рука схватила меня за локоть и втащила в густую тень за поленницей. Молодой голос прошептал:

— Тише, парень! Жить надоело?

Передо мной стоял парень чуть старше меня, в стрелецком кафтане, но без шапки. Взгляд его был острым, как бритва. Он не смотрел на меня. Он смотрел на тех самых «нищих» у востра. Стрелец шепнул

— Гляди на того, рыжего. У нищего лапти новые, московского плетения. А вон тот, косой... видишь, как под рогожей блеснуло?

Я присмотрелся и похолодел. Из-под грязного тряпья одного из «калек» на мгновение высунулся кончик стального ножа. Они не просили милостыню — они ждали. Я сказал;

— Меня ждут. Купец Гордеев расставил свои сети быстрее, чем я успел покинуть город. Мой спаситель представился, выхватывая саблю.

— Гордеевские псы уже перекрыли тракт. Нам не пройти пешком. Видишь коновязь?

У крыльца стояли два добрых жеребца, оседланных по-боевому.

— Прыгай на того, серого! — скомандовал стрелец.

Мы рванулись одновременно. «Нищие» вмиг преобразились: лохмотья полетели в стороны, обнажая добрые ножи и кистени.

— Держи вора! — взревел рыжий, бросаясь наперерез.

Стрелец на скаку рубанул его саблей, расчищая путь. Мы пролетели сквозь ворота, слыша за спиной свист и проклятия.

Глава 5. Данила и Григорий Черновы

Григорий на ходу спросил:

— Тебя как звать?

— Никита.

— Меня Григорием звать.

Григорий оглянулся и спросил:

— Куда держишь путь?

— В Тобольск кремлю. В стрелецкой слободе.

— К кому?

— Даниле Чернову.

— Зачем?

— Дело к нему срочное.

— Я знаю где он. Отведу тебя.

Через час бешеной скачки мы вошли в Тобольск. Григорий привел меня в стрелецкую слободу. Остановились у дома:

— Вот тут твой Данила Чернов живет.

Мы зашел в дом. Там, у печки, сидел широкоплечий старик с сединой в бороде. Это был самый Данила Чернов, о котором говорил отец. Григорий с порога сказал:

— Здорово, батя! Человек до тебя.

Данила Иванович поднялся, оглядел меня с ног до головы и спросил:

— Кто таков?

— Никита Зотова. Сын Матвея Зотова. Друга вашего. У меня записка для вас.

Данила посмотрел на мое лицо и сказал:

— Сын Матвея Степановича? Похож.

Данила Иванович прочитал записку и сказал:

— Дело серьезное. Садись к огню, Никита.

Глава 6. Дома у Черновых

Я присел к печке, чувствуя, как дрожат руки. Данила Иванович сказал серьезно:

—Теперь слушай. До Тюмени нам ходу три дня, и Гордеев за это время всю Сибирь на дыбы поднимет. Пакет твой, парень, — это ключ от плахи для купца. И он сделает всё, чтобы этот ключ до Москвы не доехал. Я тебя вывезу из Тобольска

Данила Иванович и Григорий вышли во двор. Они запрягли повозку. На повозку навалили сна. Я вышел и сел на повозку. Данила Иванович бросил коротко.

— Прячься в сено, парень, Гордеев уже разослал своих псов по всем выездам.

Мы не успели проехать и версты от ворот, как путь нам преградили трое. С виду обычные мужики в зипунах, но глаза у них были волчьи, а из-под полы виднелись рукояти бердышей.

Один вышел вперед вкрадчиво спросил:

— Куда путь держите, служивые?

Данила Иванович спокойно:

— Государство дело справляем.

— По какому?

Данила Иванович положил руку на саблю.

— Прочь с дороги, пока воеводе не пожаловался.

Мужик оскалится:

— Воевода далеко, а Гордеев близко.

Он кинулся первым, блеснув ножом, но Данила был быстрее. Конь взвился на дыбы, стрелец рубанул сплеча, и я впервые увидел, как быстро обрывается человеческая жизнь. Григорий выстрелил из пищали. Мы прорвались, но вдогонку нам уже летел свист. Погоня началась.

Глава 7. Прощание

За две версты до Тюмени Данила Иванович резко осадил коня и спрыгнул на землю. Лицо его, обычно суровое, в свете луны казалось высеченным из камня. Он глухо бросил:

— Всё, Никита. Дальше не пойду.

У меня сердце упало.

— Как же так, дядя Данила? Ты же обещал тятю...

Данила Иванович перебил меня, положив тяжелую ладонь мне на плечо.

— Потому и не пойду, Пакет твой — дело великое, государственное. Но Матвея, отца твоего, я в лапах у Гордеева не брошу. Он меня из турецкого плена вынес, когда мы еще под Азовом стояли. Теперь мой черед его из рудника вынимать.

Он обернулся к Григорию, который всё это время молча держал под уздцы заводных коней.

— С тобой поедет Григорий. В стрельцы только по весне записан, но глаз верный и рука не дрогнет. С ним до Москвы пойдете. Гришка край знает, каждый лог, каждую заимку.

Григорий молча кивнул мне, поправив на плече тяжелую пищаль. В его глазах я не увидел страха — только спокойную решимость, какая бывает у людей, выросших в тайге. Голос Данилы стал стальным

— Слушай наказ, Григорий. Никиту береги пуще глаза своего. Пакет этот — жизнь ваша. Помните: Гордеев не успокоится. У него везде уши, везде подкупленные люди.

Данила обнял сына, потом коротко кивнул мне.

— С Богом, ребята. Встретимся, коли живы будем.

Он вскочил на коня и, не оборачиваясь, растворился в ночной тени, уходя обратно к рудникам. Мы остались вдвоем. Тишина сибирской ночи вдруг стала давящей. Степан тронул поводья

— Ну что, Никита? По коням. До рассвета надо верст двадцать отмахать, пока купец своих псов по следу не пустил.

Теперь назад пути не было. Впереди лежала Тюмень, седой Камень и бесконечные версты великого пути.

Глава 8. Шепот тайги

Тайга вокруг нас стояла хмурая, придавливая к земле тяжелыми лапами елей. Снег под копытами коней еще не сошел, превратившись в серую кашу, которая хлюпала и засасывала ноги. Мы ехали шагом уже четвертый час, прислушиваясь к каждому шороху. Гриша ехал впереди, его широкая спина в сером стрелецком кафтане была для меня единственным ориентиром. Он постоянно крутил головой, приглядываясь к сломанным веткам и следам на подтаявшем насте. Тишина стала совсем невыносимой. Я выдержал:

— Слышь, Гриша, А ежели отец твой не успеет?

Гриша не обернулся, только плечи его едва заметно дрогнули.

— Батя мой — тертый калач, Никита. Он еще под Азовом из таких переделок выходил, что тебе и не снилось. Он не просто стрелец, он пластун. В лесу его и леший не найдет, ежели батя того не захочет. Ты о своем отце думай. Пакет доведешь — вытащим мы их обоих. Гордеев тогда сам в кандалах на каторгу пойдет.

Я прижал руку к груди. Пакет был на месте, жесткий и холодный.

— А что в нем, знаешь? Тятя говорил — донесение. Но неужто за одну бумагу купец готов пол-Сибири на уши поставить?

Гриша придержал коня и дождался, пока я поравняюсь с ним. Лицо его было серьезным, не по годам взрослым.

— Бумага бумаге рознь, парень. Одно дело — недоимка по налогам. А другое — измена государю. Говорят, Гордеев не просто золото крадет. Он с заморскими людьми, с англичанами да голландцами, через Мангазею тайные дела ведет. Пушкину им сбывает, пушки покупает. Это уже не воровство, Никита. Это бунт против царя Алексея Михайловича. За такое на дыбу сразу, без суда.

У меня по спине пробежал холодок, и вовсе не от ветра.

— Значит, мы с тобой теперь не просто беглецы... Мы государственные гонцы?

Степка криво усмехнулся и поправил пищаль.

— Гонцы без грамоты и подорожной. Для любого патруля мы — тати ночные. Так что рот на замок, а уши — остро. Скоро Тура покажется, там Тюмень. Город торговый, людной. Там легче затеряться, но и нож в спину получить проще простого.

Глава 9. Тюменская мышеловка

К Тюмени мы вышли на закате третьего дня. Город встретил нас запахом дегтя, навоза и рыбы. Стены здесь были не такие высокие, как в Тобольске, но народу — тьма. Купцы из Бухары, служивые люди, ямщики. Въехав в посад Гриша сказал:

— Держись за мной и шапку пониже надвинь.

Мы хотели пройти огородами к переправе, но у самого спуска к реке путь нам преградила телега, якобы застрявшая в грязи. Пятеро мужиков в тяжелых овчинных тулупах копошились вокруг нее. Один, заросший черной бородой по самые глаза, крикнул:

— Помогите, братцы, подсобите колесо выставить!

Я уже дернул поводья, чтобы помочь, но Степка вдруг резко вырвал пищаль из чехла.

— Назад, Никита! У «мужиков» сапоги стрелецкие из-под тулупов!

Тот же миг «чернобородый» выхватил из соломы на телеге бердыш.

— Стоять, щенки! Отдавайте пакет, и живы останетесь!

Нас зажали. Сзади из переулка выскочили еще трое с рогатинами. Мы оказались в мешке, прижатые к крутому берегу Туры. Глядя на бурлящую, ледяную воду внизу, я спросил:

— Прыгаем?

Вдруг раздался спокойный голос откуда-то сверху, с крыши приземистого амбара.

— Сгинете в реке, глупые,

Там, припав к коньку крыши, сидел человек в островерхой меховой шапке с длинным луком в руках. В следующую секунду запела тетива, и один из нападавших схватился за плечо, выронив нож. Незнакомец крикнул

— Прыгайте не в воду, а в камыши, к лодкам! Живо!

Григорий не стал ждать второго приглашения. Он пришпорил коня, прорываясь сквозь строй растерявшихся наймитов, и я бросился следом. Стрелы незнакомца мелькали в воздухе с пугающей точностью. Бил не насмерть в руки и плечи, выбивая оружие у людей Гордеева.

Глава 10. Разговор у костра в камышах

Мы скатились по крутому склону прямо в густые, колючие заросли ивняка у самой воды. Кони хрипели, проваливаясь в вязкую прибрежную грязь. Незнакомец возник перед нами будто из-под земли.

— Сюда! В лодки не лезьте, коней ведите вброд под ярмом!

Он был невелик ростом, жилист, в поношенном чекмене, перехваченном кожаным поясом. Лицо его, дубленое степными ветрами, казалось неподвижной маской, и только узкие глаза искрились живым, колючим умом.

Мы укрылись в старом рыбацком стане, спрятанном в излучине Туры так, что с берега нас было не разглядеть за высокой стеной камыша. Гриша первым делом проверил замок своей пищали

— Порох, слава Богу, подмочить не успели.

Незнакомец сидел на корточках, подбрасывая в крохотный, почти невидимый костерок сухие ветки плавника. Дым уходил низко над водой, растворяясь в вечернем тумане. Гриша прямо спросил:

— Кто ты милый человек?

— Татарин. Касим зовут.

Гриша прямо спросил, не убирая руки с рукоятки сабли.

— Мы тебе люди чужие, урусы. А за наши головы купец Гордеев гору серебра обещал.

Касим медленно поднял взгляд. В отсветах пламени его зрачки казались кошачьими. Он тихо, но отчетливо произнес:

— Серебро Гордеева пахнет кровью моих братьев. Вы думаете, он только у государя вашего ворует? Нет. Он в степи остякам и вогулам вино гнилое продает, а забирает лучших охотников. Моего младшего брата он в цепях на север отправил, в Мангазею, на тяжелые работы. Брат не вернулся. Пропал в снегах.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Касим продолжал:

— Гордеев не просто вор, он паук, опутавший всю Сибирь своей липкой паутиной. Купец думает, что Сибирь — это его лавка. Сибирь — это вольный ветер.

Касим посмотрел на воду продолжил:

— Мой народ помнит, как жили здесь до него. Я долго ждал, когда кто-то перебежит ему дорогу. Я видел вас в Тобольске, видел, как вы бежали. Птица, которая несет в клюве погибель ястреба, — это хорошая птица. Я помогу вам пройти.

Гриша прищурился и спросил:

— Почему ты уверен, что у нас его погибель?

— Потому что Гордеев поднял на ноги всех: и своих приказчиков, и татей лесных, и даже вогульских шаманов подкупил.

Я спросил:

- Дорогу через Камень знаешь?

Касим едва заметно усмехнулся.

— За пустую бумагу так не быются. Впереди Камень. Туда ведут две тропы. Одну знают все — там вас встретят с бердышами. Вторую знаю я — там только духи гор и дикий зверь. Но там вогулы. Гордеев пообещал им много железа и пороха, если они не пустят никого за Камень.

Я сжал пакет под кафтаном.

— Нам нельзя медлить, Касим. В Москве должны узнать правду.

Татарин поднялся, легко и бесшумно.

— Москва далеко, Никита-бай. Сначала надо пережить завтрашний день.

На этом разговор закончили. Улеглись спать утром Касим предупредил:

- Вогулы чуют чужака по запаху пота. С этой минуты говорите мало, слушайте лес. Завтра пойдем на закат, в обход Тюменских застав.

Гриша посмотрел на меня, потом на Касима и молча вскинул пищаль на плечо и сказал:

- По коням?

Глава 11. Завал

Мы вошли в Олений распадок на рассвете. Узкое горло между двух скал было завалено буреломом — вековые сосны лежали вповалку, переплетаясь ветвями. Гриша сказал:

— Странное сие.

Гриша придержал коня.

— Ветра сильного неделю не было, а сосны свежие, хвоя еще не осыпалась.

Я хотел слезть и оттащить верхний ствол, но Касим перехватил мою руку.

— Стой!

Его узкие глаза превратились в щелочки. Он поднял с земли тяжелый обломок скалы и с силой швырнул его в самую гущу веток.

Раздался сухой, костяной щелчок. Огромное бревно, подвешенное на сыромятных ремнях и скрытое до поры в кронах уцелевших деревьев, с диким свистом пронеслось в футах от моей головы. Тяжелые железные штыри, вбитые в него, с хрустом вошли в землю, там, где секунду назад должен был стоять я. Гриша сказал:

— Гордеевские приказчики ставили. Знали, что мы здесь пойдем.

Я спросил у Гриши, пытаюсь унять дрожь в коленях. — С чего взял, что приказчики? Может, разбойники лесные?

Гриша сплюнул, поправил перевязь сабли и кивнул на оставшийся позади бурелом:

— Разбойник — он попросту грабит. Колом по темени или стрелой из кустов. А тут работа инженерная, тонкая. Видел штыри? Кованые, с клеймом «Г». У Гордеева на заимках такие в каждом амбаре. Охотятся на нас, как на соболя, петли расставляют.

Меня затрясло. Если бы не татарин, пакет остался бы лежать под этим бревном вместе с моими костями. Мы потратили два часа, обходя завал по круче, поминутно оглядываясь: не смотрит ли кто нам в спину?

Глава 12. Кровавые метки

На следующий день лес изменился. Высокие сосны сменились корявым ельником, где мох висел на ветвях седыми бородами. Здесь пахло гнилью и чем-то сладковатым.

На старом кедре, прямо у тропы, я увидел страшное: прибитую гвоздем лисью шкуру, а над ней — вырезанный на коре лик лесного духа. Из глаз духа текла свежая кровь. Гриша, крестясь, шепнул

— Вогульская черта.

Я сказал:

— Значит, Гордеев подкупил их князьков.

— Золотом купил или страхом — неважно. Теперь они его псы.

— Теперь лес против нас.

Весь день мы чувствовали на себе чужие взгляды. Ветви хрустели там, где никого не было. Касим ехал, положив стрелу на тетиву. Я тихо спросил Касима

— Касим, ты видишь их?

Касим не оборачиваясь, ответил

— Глаза не видят. Сердце видит. Они не за кустами. Они сами кусты. Дышат нам в затылок, а запаха нет.

Каждая тень казалась мне притаившимся охотником. Вогулы не нападали, они «пасли» нас, загоняя, как диких зверей, к Черному ручью, где тропа превращалась в ловушку.

К вечеру небо затянуло тяжелыми, свинцовыми тучами, и сумерки упали на лес раньше срока. Мы достигли Черного ручья, когда вода в нем казалась не просто темной, а густой, словно деготь. Лошади храпели, отказываясь идти вброд, чуя то, чего не видели наши глаза.

Из зарослей донесся протяжный, вибрирующий звук — так кричит выпь, но в этом крике слышалась насмешка. Лес вокруг нас ожил. Вогулы не кричали «ура», не бросались в лоб. Они просто отделялись от стволов деревьев, становясь видимыми лишь тогда, когда стрела уже покидала тетиву.

Глава 13. Огонь во тьме

Ночь застала нас на голом склоне. Холод пробирал до самого сердца. И вдруг впереди, в глубокой расщелине, мелькнул огонек. Я радостно выдохнул

— Костер! Может, наши? Казаки?

Я уже готов был пришпорить коня, мечтая о тепле и горячей кашнице, но Гриша схватил моего жеребца за узду.

— Сдурел, Никита? Гляди на дым!

Касим принюхался, раздувая ноздри.

— Дым пахнет старой ветошью и сырым навозом. Это «курильня», парень. Специально жгут, чтобы путник на свет шел, как мотылек на свечу. А сами в темноте сидят, пищали на свет навели. Ждут, когда мы подставимся.

Мы уходили от этого «доброего» огонька во тьму, спотыкаясь о камни и ведя коней под уздцы, чтобы копыта не звенели. Страх за пакет стал тяжелее свинца. Гордеев обложил нас со всех сторон.

Мы шли молча, растворяясь в густой, как деготь, тени утесов. Каждое фыркание коня казалось громом, каждый хруст гальки под сапогом — предательством.

Гриша вел нас узким карнизом, прижимаясь плечом к холодным скалам. Огонек в расщелине остался позади, но его призрачный отсвет еще долго стоял перед глазами, дразня ложным обещанием спасения.

— Слышите? — Касим замер, подняв руку.

Я затаил дыхание. Сначала была тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в теснинах, но затем снизу, со стороны «курильни», донесся едва уловимый металлический лязг. Так звучит шомпол, входящий в ствол пищали, или сорвавшееся с крепления стремя. Гриша прошептал:

— Не выдержали, и в его голосе не было страха, только холодная ярость.

Я сказал:

— Поняли, что мы мимо прошли. Теперь по следу пойдут, как волки по кровавому волоку.

Глава 14. Битва у Черного ручья

Развязка наступила утром. У Черного ручья, где скалы сжимали тропу в тиски, ловушка захлопнулась.

Сначала запели стрелы. Одна вонзилась в седло Гриши, другая пробила мне рукав. Из кустов, будто из-под земли, выросли вогулы. Лица раскрашены сажей, в руках костяные топоры и луки. Гришка вскидывая пищаль и крикнул:

— К скале!

Грохнул выстрел, окутав нас едким дымом. Гриша сбил первого, Гришка отбросил пустую пищаль и, выхватив топорик, прикрывал мне спину. Касим рубил саблей и направо и налево, его клинок вычерчивал в тумане кровавые дуги. Черный ручей в считанные минуты порозовел, принимая в себя дань этого безумного утра.

Один из лесных людей прыгнул на меня сзади, повалив с коня. Я почувствовал на шее холод ножа и в последний момент успел выхватить свой. Мой нож вошел ему под ребра. Вскочив на ноги, я едва успел отпрянуть. Григорий кинул другого вогула в прибрежные камни.

И тут сверху, с крутого уступа, ударил залп. Десятки пуль взрыли землю, сшибая вогулов. Раздался громовой голос.

— Там государевы люди! Руби их!

Гриша оглянулся и крикнул:

- Казаки! Мы спасены!

Из утреннего тумана на нас летела казачья лава. Впереди, на сером в яблоках коне, скакал есаул в распахнутом кафтане, размахивая саблей. Это было спасение. Или новое испытание?

Есаул осадил коня в самом центре сечи. Его сабля блестела, как зеркало, отражая первые лучи холодного солнца. Он крикнул:

— Не жалеть пороха!

Второй залп из карабинов окончательно сломил волю нападавших. Те, кто выжил, серыми теньями скользнули обратно в чашу, бросая своих убитых.

Глава 15. Допрос у Черного ручья

Дым от пищальных залпов еще не развеялся, а есаул Поярков уже осадил коня прямо передо мной. Тяжелое копыто жеребца замерло в вершке от моей руки. Есаул — старый волк с глубоким шрамом через всю щеку, спрыгнул на землю, не убирая сабли в ножны. Его голос проскрежетал, как железо по камню:

— Кто такие?

Гришка шагнул вперед, вытирая лицо от пороховой гари.

— Стрельцы мы, господин есаул. Из Тобольской слободы.

— Почему вогулы за вами как за соболями гонятся? И что за татарин с вами в компании?

— Дело государево правим.

Поярков сузил глаза и подошел ко мне вплотную. Его взгляд упал на мою грудь, где под кафтаном явственно проступали углы кожаного пакета.

— Стрельцы, говоришь? А подорожная где?

— Подорожной нет.

— Грамота от воеводы? Ну-ка, парень, вынимай, что у сердца прячешь. Посмотрим, за какое такое «дело» лесные люди кровь льют.

У меня перехватило дыхание. Пакет жечь начал, будто раскаленный уголь.

— Не могу, господин есаул. Батюшка наказывал: только в Москве, в Приказе, печать ломать. Обида великая государству в этих бумагах прописана.

Поярков хмыкнул, обернувшись к своим казакам, которые уже обыскивали убитых вогулов.

— Ишь, какой верный. А ну как ты шпион шведский? Или вор, казну обчистивший?

Есаул крикнул рослому парню с серьгой в ухе:

— Казак, кликни Фому. Пущай посмотрит, что за птицы к нам прилетели.

Глава 16. Тень предателя

Нас не заковали, но коней забрали и посадили под охрану у костра. Казаки варили кулеш, смеялись, обмениваясь шутками о бое, но я кожей чувствовал — за нами следят.

Гриша сидел хмурый, привалившись к седлу. Касим же забился в самую тень, подальше от огня, и только его глаза поблескивали из-под шапки. Татарин едва слышно прошептал:

— Никита.

Казаки затянули песню. Я подпол поближе. Гриша тоже подвинутся ближе.

— Гляди на того, с серьгой. Фома, кажется.

Я проследил за его взглядом. Казак Фома, тот самый, что призывал нас к порядку, терся у коновязи. Он не ел и не пел. Он быстро, воровато оглядывался на палатку есаула, а потом подошел к своему коню и начал поправлять подпругу. Гриша сказал:

— Он уезжает

Я спросил:

— Куда ему ночью?

Касым покачал головой.

— Не уезжает.

Я непонимающе посмотрел Касима. Касим прищурился.

— Он знак подает.

— Не может быть.

— Видишь, на сосну повязал белый лоскут? Гордеевские ищейки не отстали, Никита. Они идут по пятам, и этот Фома — их глаза в отряде.

Я похолодел. Если Гордеев купил даже казака из сотни Пояркова, значит, его власть дотянулась и до Камня.

Глава 17. Рассказ Касима

Ночь в горах была черной, как деготь. Костер прогорел до углей. Мы следили за казаками. У меня мелькнула в голове догадка. Я шепотом спросил у татарина:

— Ты его сразу узнал. Ты его видел раньше? Того казака.

Касим долго молчал, перебирая пальцами четки.

— Я видел его три лета назад. В Тюмени, на заднем дворе гордеевской усадьбы.

Касим кивнул в сторону спящего Фомы.

— Он тогда еще не был казаком — был приказчиком у купца, порол моих соплеменников плетью.

— Разбойник в казачьей сотне?

— Гордеев хитер: он сажает своих людей в казачьи сотни, в стрелецкие приказы, как семена в землю. Чтобы в нужный час они проросли ядом.

— Нам нельзя здесь оставаться, Касим. Есаул утром пакет заберет, а Фома ночью весточку подаст. Нас убьют прямо во сне.

Касим медленно кивнул.

— За Камнем начинается другая земля, Никита. Там закон — тайга, а прокурор — медведь. Пойдем сейчас. Пока туман спустился с ледников. Фома занят своим знаком, казаки спят после вина.

Я нащупал пакет. Сердце колотилось так, что казалось — его слышно на весь лагерь.

— Уходим.

Мы начали медленно отползать в темноту, туда, где за скалами начинался крутой спуск к перевалу. Но стоило мне сделать шаг, как сухая ветка под ногой предательски хрустнула. За спиной раздался вкрадчивый голос Фомы:

— Куда это вы, голубчики?

В его руке тускло блеснуло лезвие ножа.

Глава 18. В ночи

Фома стоял всего в трех шагах от меня. В слабом отсвете догорающего костра его серьга в ухе злобно поблескивала, а лезвие ножа, зажатое в руке по-разбойничьи.

— Ну что, голубчики? К Гордееву захотели?

Его голос был тихим, змеиным шепотом.

— Пакет отдавай, парень. И татарина твоего не трону. А нет — здесь вас и закопаю, под кедром.

— Есаула не боишься?

— Есаулу утром скажу. Вогулы добили.

Я замер, чувствуя, как пакет холодит грудь. Фома сделал шаг вперед, занося нож для быстрого, смертельного удара в горло. Я выхватил свой охотничий нож, но понимал, что против опытного пластуна у меня мало шансов.

И тут, когда лезвие предателя уже полетело вниз. Из темноты выметнулась рука Касима. Татарин не стал бить ножом. Он резким, точным движением ткнул Фому двумя пальцами под кадык.

Фома захрипел, выронив нож, и схватился за горло. Касим не дал ему упасть. Он подхватил казака под мышки и, навалившись всем телом, прижал его к стволу кедра.

— Тихо, урус

Касим ему в самое ухо прошептал

— Смерть твоя близко. Если пикнешь — она придет больно.

Фома обмяк, его глаза закатились. Он был жив, но дышать мог только с трудом. Касим нам скомандовал:

— Ухдите!

Касим связал руки Фомы его же поясным ремнем.

— У нас есть время, пока караульный не обернется.

Глава 19. Между двух огней

Мы выскользнули из лагеря, ведя коней под уздцы по каменистой осыпи. Туман, спустившийся с ледников, был настолько густым, что я не видел собственной руки. Это было наше спасение и наша ловушка: один неверный шаг, хруст камня — и казаки проснутся.

Гриша ехал впереди, чутко прислушиваясь к звукам ночи. Касим же, казалось, видел в тумане. Он вел нас тропой, которую знал только он

Вдруг сзади, со стороны казачьего лагеря, донесся приглушенный крик, а затем — топот копыт. Гриша сказал, пришпоривая коня.

— Обнаружили Фому!

Касим покачал головой

— Нет. Это не погоня.

— Что тогда?

— Это Фома подал знак своим.

Касым олянулся по сторонам.

— Гордеевские ищейки близко, Никита.

— Есаул не даст нас в обиду.

— Казаки сейчас решают, кто мы: воры или гонцы. Есаул Поярков человек прямой, он не любит, когда от него бегут. Теперь для него мы — преступники.

Я сказал:

— Гони, братцы!

Гришка сказал:

— Мы между двух огней. Сзади казаки, впереди разбойники.

— Прорвемся

Мы скакали во весь опор, не разбирая дороги. Ветки били по лицу, камни летели из-под копыт. В голове стучала только одна мысль

— Пакет, который стоил жизни моему отцу, а теперь — и нам трем.

Глава 20. Погоня на перевале

Рассвет застал нас на самом гребне перевала. Седой Камень открылся нам во всей своей суровой красе: бескрайние снежные поля, скалы, уходящие в небо, и далеко внизу — зеленое море тайги, уходящее на запад, к Москве.

Радоваться было рано. Взглянув назад, я увидел на горизонте цепочку всадников. Казаки. Они шли по нашему следу, как волки по следу подранка. И впереди, на сером в яблоках коне, скакал есаул Поярков. Я крикнул Касиму:

— Нас догоняют!

Гришка сказал:

— Поярков из-под земли достанет. У него на нас, Никитка, зуб особый.

Татарин прищурился, глядя на преследователей.

— Казаки не знают этой тропы. Они пойдут в обход, через Лосиный лог.

Касим сказал и пришпорил коня

— У нас есть час, Никита. Если кони не падут, то вывезут.

Гриша, бледный от усталости, но с лихорадочным блеском в глазах, добавил:

— За перевалом начинается Урал-камень. Там закон — тайга.

Касим сказал:

— Если успеем дойти до реки Чусовой, там Гордееву нас не достать.

Мы пришпорили уставших коней. Спуск с перевала был крутым и опасным. Снег под копытами скользил, камни осыпались в пропасть. Но страх перед погоней был сильнее страха высоты.

Гордеевские ищейки были где-то рядом, и предатель Фома, хоть и связанный, все еще был опасен. Мы бежали от спасителей, чтобы сохранить тайну, которая могла стоить головы самому богатому человеку Сибири.

Глава 21. Хозяин Чусовой

И вот камень позади. Впереди русская земля. Но расслабляться рано. Мы шли петляя и потеряли много времени. Люди Гордеева могли нас обогнать.

Река Чусовая встретила нас ревом. Весенняя вода, зажатая между скал-бойцов, неслась с бешеной силой, ворочая камни величиной с избу. Переправы не было — только узкий брод, который знал Касим, но и тот сейчас скрылся под мутной пеной. Степка указал пищалью на противоположный берег.

— Глядите!

Там, у единственной пологой отмели, горел костер. Вокруг него прохаживались люди в добротных синих кафтанах, вооруженные нечета вогулам. У каждого длинноствольная пищаль и сабля. Возглавлял их человек в лисьей шапке, которого я сразу узнал по рассказам отца. Я сказал:

Савва, главный приказчик Гордеева. Человек, у которого вместо сердца — каторжное клеймо.

— Там Савва мне про него рассказывал отец

Гришка прошипел:

— Они перекрыли берег.

Касим прошептал.

— Савва знает: через Камень мы прошли, теперь нам только в воду.

— Плыть нельзя, коней расшибем о камни

Гриша нахмурился.

— Надо уходить выше по течению, к Черному мысу. Там лес густой, может, плот сладим.

Мы начали отходить под прикрытием скал, но Савва, будто почуяв нас, поднял руку. С того берега донесся сухой треск залпа. Пули запели над головами, выбивая каменную крошку. Гордеевские псы не жалели свинца.

Глава 22. Скит в расщелине

Уходя от засады, мы забились в глухой лог, заваленный вековым буреломом. Кони хрипели, спотыкаясь о корни. И вдруг лес расступился, открыв небольшую поляну, на которой примостилась почерневшая от времени избушка и крохотная часовенка с восьмиконечным крестом.

Из дверей вышел старик с бородой до пояса, в грубой власянице. В руках он держал не оружие, а тяжелую медную икону. Голос старика был глубоким, как колодезный звон.

— Кто такие? Зачем покой тревожите?

Гриша ответил:

— Беглецы мы, дедушка.

Я спрыгнул с коня, стараясь выглядеть мирно.

— Люди Гордеева за нами гонятся, убить хотят.

Старик сузил глаза, глядя на наши стрелецкие кафтаны и саблю Касима.

— Мы сюда от ваших реформ да приказов ушли, чтобы Богу истинному молиться, а вы и здесь нас достали.

Гришка хотел было возразить, но старик поднял руку.

— Но гость в лесу то воля Божья. И коли за вами Савва-душегуб идет, значит, есть в вас что-то, что ему поперек горла встало.

Старик отворил дверь со словами:

— Заходите. Коней в овраг спрячьте, сена дадим.

Внутри скита пахло ладаном и сушеными травами. Старообрядцы — их оказалось человек десять — смотрели на нас с опаской и ненавистью, но хлеб и соль на стол поставили. Я рассказал про пакет и волю батюшки. Один из братьев-скитников прошептал мне за столом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.